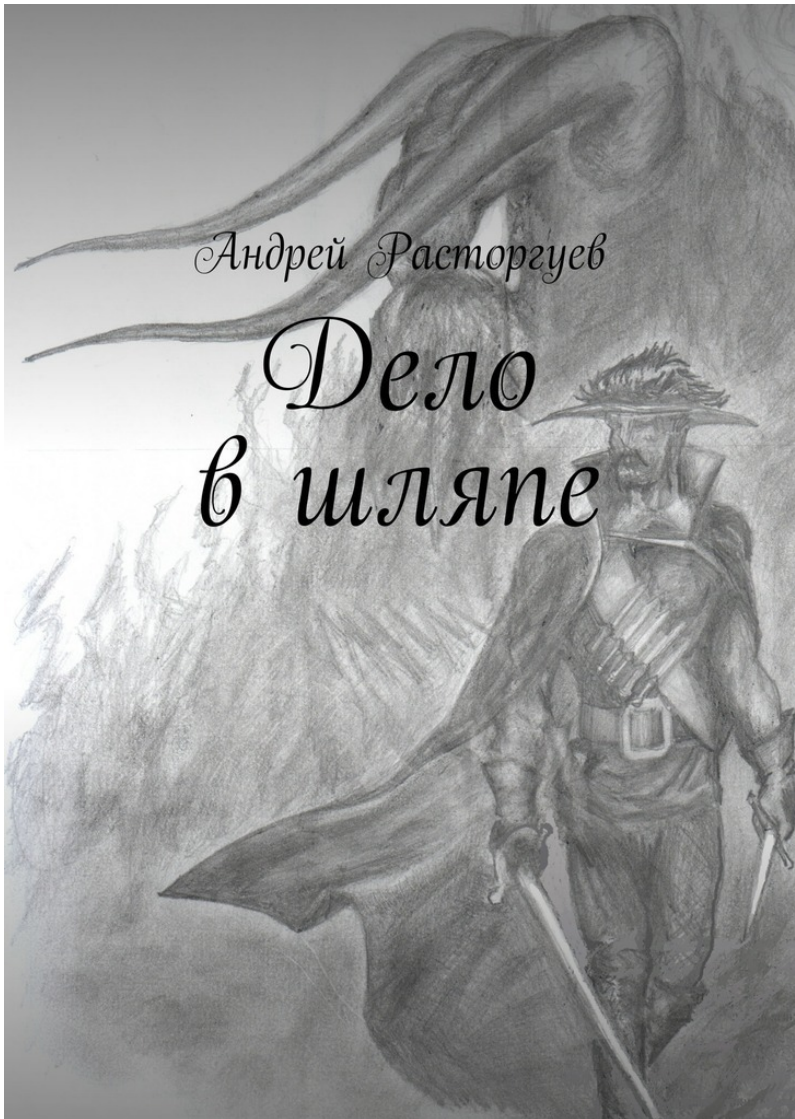

Андрей Расторгуев

Дело
в шляпе

Андрей Расторгуев

Дело в шляпе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16855986

ISBN 9785447439064

Аннотация

Давно миновала война между темными и светлыми. Теперь они вместе пытаются строить мирную жизнь и учатся сосуществовать. Не у всех получается ладить друг с другом. Но закон охраняют светлые и темные стражники Его Величества. Порк один из них. Он темный, но не пожалеет сородича, если тот замешан в чем-то противозаконном. Расследуя очередное убийство, он идет по следу бандитов, преодолевая их ожесточенное сопротивление и непонятную заинтересованность этим делом всемогущей королевской канцелярии...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дело в шляпе

Андрей Расторгуев

© Андрей Расторгуев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Смерть Червонца, поднявшая меня с кровати

Опять где-то «запахло» кровью. Конечно, как всегда посреди ночи.

Сардак! И не спится же какому-то тёмному. Снова пришлось выбираться из тёплой постели и топтать на «запах» смерти по мрачным, сырым от густого тумана улицам города.

Свежепущенная кровь. Её аромат ни с чем не спутаешь. Будоражит, вызывая неприятный зуд во всём теле. Особенно если кровопускание – результат убийства. Когда, к примеру, кто-то просто порезался или расквасил нос, меня так не колбасит от переизбытка тошнотворно-дурных эмоций, начиная с ненависти, кончая тупым садизмом. Такая гремучая смесь получается. Не только живого, но и мёртвого поднимет.

И поднимала порой. Не раз и не два приходилось утихомиривать оживших вдруг мертвецов. Беспокойства от них чуть, но мешают, сволочи, отвлекая от основной работы.

Кстати, разрешите представиться, Порэус эль Камилье, тёмный стражник Его Величества. Вообще-то все зовут меня Порк. Боятся, наверное, язык сломать, пока полное имя произносят. Да и частица «эль» многим не по вкусу. Прямо указывает на моё тёмное происхождение.

Правда, тёмная стража здесь вовсе ни при чём. Её так называли только потому, что дела, которыми она занимается, тоже тёмные. Разные там убийства, грабежи, похищения и прочая дребедень, в чём светлые обычно пасуют. Правильно, а у кого, скажите, получается лучше всех бороться с этими болячками любого цивилизованного общества? У светлых? Ха-ха три раза! Я вас умоляю, эти пижоны при виде крови или обнажённого клинка норвят быстрее в обморок брякнуться. Стукни их по щеке, они тут же подставят вторую, вместо того чтобы сдачи дать. И многих так победишь? В том-то и дело, что никого. Благо наш король не какой-нибудь профан. Знает, кому жетон стражника доверить.

Тёмным сам бог велел – или кто там ещё? – разбираться с себе подобными. Ведь я тоже могу в случае чего по морде съездить, а то и шпагой проткнуть, или ножом. А уж наврать в три короба, подставить ножку или ударить в спину – так вообще за здрасте. С меня станется.

К тому же у тёмных на подобные вещи врождённый нюх. Нередко первыми оказываемся там, где произошло преступление, задолго до момента, когда о нём станет известно кому-то ещё.

Только, как выяснилось, не в этот раз...

По «запаху» я попал в один из бедных кварталов, где живёт всякая шелупонь.

Бааа, да тут одним кровопусканием не обошлось. Ещё и пожар был. Рядом с угловым домом под светом уличного

фонаря толпятся люди. О чём-то негромко судачат промеж собой. Рядом, на земле, много пустых вёдер. В доме окна и двери нараспашку. Через них медленно выплывает сизый дым. Вплетается в туман, растягивая над улицей тонкую, лениво шевелящуюся плёнку. Пламени уже нет – потушили.

Из дома, словно из колдовского марева, выныривают два мужика.

– Там покойник, – громко произносит один, который постарше. – Стражников покликать надобно.

– Мы уже здесь, – говорю, подходя ближе.

Распахиваю плащ и тускло, чтобы не слепить глаза, высвечиваю на груди жетон тёмного стражника. Даю полюбоваться собой. Толпа робеет, пятится.

– Что произошло? – спрашиваю как можно спокойнее, чтобы окончательно не распугать обывателей. Всё же героизм проявили, потушив пожар. Для светлых это кое-что да значит.

– Дык... Эта... Ваш светлость... Ой... – начал было тот, который хотел звать стражу, да осёкся, сообразив, что сморозил несусветную чушь. Сразу рот прикрыл.

Правильно. Какая к сардаку «светлость» в обращении ко мне? Я человек без единого светлого пятнышка. Лицо, и то смуглое. Тёмная шевелюра и усы, абсолютно чёрная одежда от сапог до кончика пера на шляпе. Да ещё воронёный эфес шпаги, украшенный чёрными же алмазами, хищно поблёскивающими в свете одинокого фонаря. О своей репутации

вообще молчу. Но назвать меня «вашей тёмностью» было бы вовсе верхом безумия. Вот мужик и заткнулся, не в силах подобрать подходящее обращение, беззвучно хлопая ртом.

– Рассказывай уже, – вздыхаю, подталкивая его к разговору, а то так и будем стоять пока совсем не рассветёт.

– Дык, я и говорю... – продолжил, наконец, наш заполосенный. – Вижу, значица, огонь в окне. Подбежал, двери дёргнул – заперто. Ну, соседей, значица, покликнул, а сам в окно полез. Они вёдра с водой подавали, а мы с Варфоломеем тушили. Там на полу мужик лежит. Он горемычный, значица, и сгорел.

– То есть огонь был только вокруг тела? Больше нигде?

– Дык, больше нигде...

Хотели спалить покойника, чтобы замести следы?

Перед тем, как войти в дом, осматриваю дверь. Целая, запоры на месте, не повреждены.

– Снутри на засове была, – любезно поясняет из-за спины мой собеседник.

– А окно? – спрашиваю, помня, что через него и попали в дом.

– Открыто было.

Хм, интересно девки пляшут. Иду дальше.

На полу, в глубине комнаты, вижу тело. Лежит на спине. Одна нога согнута, торчит коленом вверх. Штаны если и были, то сгорели. Остался сапог с оплавленным голенищем. Мясо спеклось и отстало от кости. В нос бьёт запах хорошо

прожаренного филе. Мой желудок издаёт голодный стон, напоминая, что пуст со вчерашнего вечера, успев соскучиться по вкусной и здоровой пище.

Сардак! Это ведь человечина! Я хоть и тёмный, но не людоед же, в конце-то концов. Что за дела?!

– Милорд, вам помощь не требуется?

Мужик неотступно следует за мной. Переминается с ноги на ногу, ждёт указаний. Видать, уличный староста. Иначе бы давно сбежал, как те, на улице.

Раз уж на то пошло, решаю воспользоваться предложением:

– Сообрази что-нибудь перекусить, уважаемый.

– Как будет угодно, милорд, – округлил глаза, но кинулся исполнять.

Похоже, не понимает, как можно есть при виде такого. Ладно, вернёмся пока к убиенному.

Преодолевая требовательные завывания желудка, вхожу в комнату. Дым ещё не рассеялся. Полумрак. Хорошо хоть фонарь с улицы прямо в окно светит. Впрочем, при желании я неплохо вижу и в полной темноте. Происхождение, знаете ли, сказывается.

Итак, что тут у нас?

Угу, мужик среднего возраста. Роба явно бандитская. Не удивлюсь, если при ближайшем рассмотрении окажется весь в наколках. Старый, уродливый шрам на щеке. О, а эта дырочка на горле совсем свежая. Аккуратная такая, кровь

почти не сочтётся. Похоже, стилетом ткнули. А башка разбита. И бровь тоже. Били его. Разборки между тёмными? Ну... ну...

Одет просто. С виду обычный горожанин. Но это ни о чём не говорит. Всяким бандюгам и прочей швали незачем из толпы выделяться. Они же знают, что я где-то рядом хожу. Маскируются, мрази... Но сейчас не об этом. Что дальше?

Верхняя часть туловища сохранилась, а вот нижняя... Мда. Её-то, судя по всему, и подпалили, закидав тряпками да обломками мебели. Кое-что сгореть не успело. Вон кусок одеяла, вон половина шторы, а вон и ножка от стула. Ага, на ней чья-то рука оставила кровавые следы. Вполне возможно, что рука нашего убийцы. А кровь чья?

Поднимаю эту деревяшку, чтобы внимательнее рассмотреть. Нюхаю. Чувствую чужую боль, злость и страх. Пока ничего не ясно.

Нахожу самый жирный красный потёк, слизываю. Катаю на языке, запоминая вкус и эмоции. Склоняюсь над покойником, сую мизинец в найденную ранку на шее, пачкая перчатку в крови. Только успеваю отправить в рот очередной тест на кончике своего пальца, когда сзади раздаётся непонятное жалкое бляение:

– Ми... ми... ми...

Обернувшись, вижу мужика, которого давеча посылал за едой. Стоит у входа, вылупился на меня, словно сардак перед ним, а не тёмный стражник Его Величества, и миску

с пирожками держит.

– Ми... Ми-лорд, – наконец, выдавливают и, не в силах больше произнести ни слова, протягивают пирожки.

А те так и пляшут в трясущихся руках. Лишь каким-то чудом ни один из них не полетел на пол. Я, конечно, человек не привередливый, но вряд ли смогу по достоинству оценить вкус еды, если она перемазана сажей и размякла в грязной воде, которой заливали пожар. Поэтому спешу сцапать миску, выхватить первый попавшийся пирожок и выпиться в него зубами. А почему нет? Имею право, потому как есть хочу. А кровь из раны я уже распробовал и с полной уверенностью могу сказать: на ножке стула кровь убитого. Лупили его этой самой ножкой, почём зря, вот что. Может и стул на нём сломали.

Нет, долго ещё этот мужик тарашиться будет?

– Послушай, уважаемый, – говорю, едва прожевав откусанное. – Не надо буравить меня взглядом, а то дыру проглядишь. Мой камзол, между прочим, не из дешёвых. Не расплатишься потом.

Судорожно сглотнув, мужик вдруг резко бледнеет и наваливается спиной на дверной косяк. Мне здесь обмороков только не хватает. Ох уж эти светлые...

По-человечески его, конечно, жаль. Видно, что трусит, но не ушёл ведь. Наоборот, помочь пытается. Даже вот еду принёс.

– Ты уличный староста? – вздыхаю обречённо, уже махнув

рукой на неизбежное зло в образе пожилого мужика.

Тот часто кивает. Всё равно бы пришлось его допрашивать, так почему не сейчас? Совместим, что называется, приятное с полезным. Только если он и дальше будет немого из себя корчить, самолично язык отрежу.

– Как звать? – пытаюсь разговорить старосту.

– Кар-К-карт, – еле выговаривает.

– Каркарт?

– Н-нет... К-карт.

– Ааа, Карт, – глядя на его радостные кивки, начинаю соображать, что мужик просто заикается.

Странно, до этого, вроде, нормально говорил. Это что же выходит, он из-за меня заикой сделался? Вот сардак!

– Послушай, дружище Карт, а что ты здесь ночью забыл? Не спалось? Решил прогуляться?

– Д-дык, ваш... милость, – о, нашёл как обращаться. – Живу я недалече... Вот... Фонари зажигаю. Проверяю, значица, их по ночам. Я ж староста... уличный.

– Ну?

– Вот... А когда, значица, к ентому фонарю подошёл, гляжу, а в окне огонь полыхает. Я к дверям, а те заперты. Ну и побёг за водой, да народ на подмогу созывать. Кого по пути кликнул, те, ваш милость, и подоспели. Мы с Варфоломеем через окошко влезли. Дверку потом уже, значица, снутри отпёрли.

– Понятно. Когда подходил сюда, кого-нибудь видел?

– Дык, кого тут в потёмках разглядишь, милорд?

Нет, вы это слышали? А фонарь, спрашивается, для чего тут поставлен?

Молчу, выжидательно глядя на Карта. Тот не выдерживает, отводит взгляд, но больше, чем сказал, похоже, от него не добьёшься. Ладно, зайдём с другой стороны.

– Убитого знаешь?

Большие глаза и судорожный вздох:

– Его что, убили?!

Нет, сардак тебя задери, несчастный случай. Просто мужик долго бился головой обо всё подряд, переломал собственную мебель, схватил ножку стула и настучал себе по макушке. А напоследок воткнул в шею стилет, который потом успел куда-то выбросить, обложился хламом и совершил акт самосожжения. Что за святая наивность!

– Знаешь или нет? – возвращаю внимание старосты к своему вопросу.

– Дык, Червонец енто. В смысле, зовут его так. Прозвище, значаца. А имени его никто и не знает. Давненько тут живёт. Тихий, вроде. Не общается ни с кем.

– Чем занимался?

– Ой, не спрашивайте, ваш милость, не ведаю я. Нелюдимый он какой-то. Ни сам никуда не ходил, ни к нему не хаживали.

– Кое-кто всё же заглянул на огонёк, – бормочу задумчиво, дожёвывая последний пирожок. – А скажи-ка мне, уважа-

емый Карт, ведь ты уличный староста, почитай, самый здесь главный, который всех знает, всё видит. Ведь так?

Осторожные кивки в ответ.

– Вот и поведай мне, кто из залётных побывал этой ночью на твоей улице? И не вздумай врать, – добавляю с нажимом, видя, что Карт уже собирается отнекиваться. Слишком торопливо, на мой взгляд, замотал головой. Не люблю вранья, особенно со стороны светлых. Поэтому заканчиваю угрозой: – Не то ляжешь рядом с этим жмуром.

Ага, сразу стух, глазки забегали. Боишься тёмных? Правильно делаешь. Я же вот он, рядышком. Это пострашнее, чем призрачная перспектива получить нож в спину за чересчур длинный язык в необозримом будущем и от неизвестно кого.

– Ваш милость, вы уж не говорите никому, что узнали от меня, – взмолился уличный староста. – Шастают у нас тут всякие последнюю неделю. Повадились в дом к Анжи, значаца. Ходют и ходют. Никакого покою от них. У меня прям сердце не на месте. Словно беду чуял. Вот она и пришла, беда ента, коромысло ей в дышло...

Анжи? Как интересно. Знаю её. Тёмная полукровка. Соблазнительная девица, надо сказать. Буквально притягивает к себе мужчин и... разводит на деньги. Снюхалась однажды с одним бесшабашным типом, любителем резать чужие кошельки, а у того своя компашка – проще говоря, банда. Устроили в доме самый настоящий притон.

Её дружка пришлось отправить к праотцам. Ну, не хотел он сдаваться. Со шпагой кинулся, придурок. Что мне осталось? Не люблю, когда в меня всякими железками тычут. Много награбленного мы тогда выволокли из этой берлоги. Банда распалась, а красотка Анжи продолжила втихомолку заниматься своим неприхотливым ремеслом.

А теперь что, за старое взялась? Ладно, проверим. Только для начала надо бы помощничков собрать. Их у меня аж двое. Отправил за ними мальчишку-посыльного, ещё когда «запах» почуял. Что-то задерживаются. Давно должны быть на месте. Пускай не такие чувствительные к «запаху», но меня-то проще простого по жетону сыскать. Ох, и задам же я трёпку этим раздолбаям.

Сунув опустевшую миску в дрожащие руки старосты, выхожу во двор. Хотел, было, проверить, где это застряли мои соратники, как вдруг вижу огромную фигуру.

Народ из-под фонаря давно рассосался, а впечатление такое, что из нескольких людей слепили одного и специально поставили здесь, чтобы свет загораживал. Медведь, а не человек. Мой первый помощник Тютя собственной персоной. Гора мышц, пудовые кулаки, бритая голова и свёрнутый нос. Несколько страшных рубцов на лысине наводят на мысль, что череп у Тютя цельнометаллический. После таких ран, как правило, не выживают. И где, спрашивается, у него мозги? А нет их. Будьте уверены, я проверял.

Не подумайте, что жалуюсь. Парень он хороший, испол-

нительный, и в драке равных ему нет. Даже оружия не носит. Ну, не признаёт его и всё тут. Зачем, если может убить одной левой? Поручения исполняет с педантичной точностью, от «а» до «я», но не более. За рамки ни за что не вылезет. Никогда не проявлял инициативу, не отличался гибкостью мышления и не стремился подходить к делу творчески. Этих качеств Тютя лишён отродясь.

Зато мой второй помощник, которого я, кстати, до сих пор почему-то не наблюдаю, его полная противоположность. Ну, во-первых, это женщина. Зовут Гера. Драться не умеет, но прекрасно метает ножи. Моя школа. И, что самое важное, ума палата. В маленькой головке этой сардачки спрятан воистину великий клад – гигантских размеров мозг. Выражаюсь фигурально, как понимаете, но иначе и не скажешь. Своим интеллектом она вполне способна тягаться с первейшими людьми королевства. Любого министра за пояс заткнёт. Да что министры! Большинство придворных ей и в подмётки не годятся.

Почему же эта умнейшая из женщин до сих пор не при дворе, спросите вы? Есть один маленький, но совершенно непреодолимый недостаток. Нет, не происхождение. Насколько я знаю, папа у неё из обедневшего графского рода. Так что с происхождением у девочки всё в полном порядке.

Тут дело в другом. Бывают моменты, когда Геру покидает здравый рассудок. Совсем не соображает в такие моменты, что творит, и вляпывается в разные неприятности. А всё

из-за пристрастия к выпивке. Ну, любит наша девочка игристое вино. Что тут поделаешь? Причём любит настолько, что если уж пригубила, то за уши не оттащишь. В итоге напивается вдрызг, и прощай, рассудок. На следующий день, мучаясь похмельем и тщетно пытаясь припомнить подробности вчерашней гулянки, клянётся и божится, что завязала. Твёрдо следуя торжественно данной клятве, стойко держится на протяжении нескольких дней, а то и недель, но потом, в конце концов, срывается и снова начинает лакать. Питъём это уж точно не назовёшь. И всё возвращается на круги своя...

Ладно, воспоминания воспоминаниями, но куда, в самом деле, подевалась Гера? Неужели опять наступила на пробку?

Ну и сардак с ней! Мне пока и Тютю хватит. Ничего архи-сложного, вроде бы, не предвидится. А если надо будет приложить мозги, могу и сам, когда захочу.

Проходя мимо великана, машу ему рукой, чтобы шёл следом. Топают молча, громыхая сапогами да пыхтя. Что мне в нём нравится, так это его немногословность, зачастую граничащая с полнейшей немотой. Правда, раздражает иной раз до зубовного скрежета.

Глава 2

Старые знакомые в гостях у полукровки

Когда добрались до неказистой халупки Анжи, было ещё темно. В окнах свет. Значит, не спит.

Осторожно наступаю на крыльцо, моля всех на свете богов – как хороших, так и плохих, – чтобы не скрипнула ни одна ступенька. Прислушиваюсь. Из-за покосившейся, но довольно прочной двери доносятся громкие мужские голоса. Пьяно горланят, ржут, сквернословят, через раз поминая сардака с его подругой и все присущие им прелести.

Так и знал! Снова здесь притон. Ну, полукровка, погоди у меня.

Оглядываюсь на Тютю. Он висится сразу за моей спиной. Фу, сардак! Напугал. Подкрался, понимаешь, тихо, словно мышка. Когда надо, этот громила ходит абсолютно бесшумно. По виду и не скажешь, что на такое способен.

Итак, что делаем? Зная Анжи, подозреваю, что у неё минимум один запасной выход. Плюс окна. Вдвоём все лазейки нам не перекрыть. Одна надежда на внезапность. Только для начала придётся вынести дверь. Нет, не вариант. Много шума. Тёмные успеют разбежаться. Что ж, попробуем взять скромностью.

Вздыхаю и негромко тарабаню костяшками пальцев, отстукивая произвольный ритм. Сардак его знает, какой здесь условный сигнал. Мой «маячок» предназначен лишь для того, чтобы вынудить любопытную Анжи отпереть засов.

Голоса резко смолкают. Несколько долгих мгновений прислушиваюсь к полной тишине. И вдруг прямо напротив уха раздаётся:

– Кто там?!

Давненько не слышал эту полукровку, но узнал сразу. Анжи стала осторожней – кому ни попадая, не открывает.

– Это мы! – бормочу возле дверного косяка, придавая голосу шутливый тон. Пусть думает, что какой-то старый приятель резвится.

– Кто «мы»? – спрашивает игриво.

Ага, купилась. Что бы такое придумать? Кем назваться? Ничего путного не лезет в голову. А время-то бежит. Ещё немного, и молчание станет подозрительно долгим.

– Шакалы! – приходится ляпнуть первое, что вертелось на языке.

– Мгм? – это Тютя сзади не выдержал, сражённый наповал моей откровенной наглостью.

Дело в том, что «шакалами» нас, тёмных стражников, называют между собою те, кого мы обычно ловим. Тоже мне, придумали оскорбление. Ха! Если хотите знать, я полностью с ними согласен. Да, я шакал. Падальщик, избавляющий лес от вонючей тухлятины. Это моя работа. И пусть падаль бо-

ится вылезать из нор, потому что я найду её и всенепременно съем. Понятно?

Короче, мой ответ, вроде как, выдал нас, причём с потрохами. С тем же успехом я мог бы сразу представиться тёмной стражей Его Величества и во всеуслышание потребовать: «Именем короля вы арестованы! Выходите по одному с поднятыми руками!»

– На кой вы мне сдались? – полукровка хихикает, принимая всё за шутку.

Фуух, отлично! Продолжаем в том же духе:

– А ты, красавица, дверку открой. Всё и узна...

Не успеваю договорить, как лязгает замок. Перед моим взором предстаёт несравненная Анжи, нисколько не изменившаяся со дня нашей последней встречи. Хороша сардачка, что ни говори!

Она загадочно улыбается, заинтригованная вопросом, что за милый шутник забрёл к ней посреди ночи. А тут я весь такой красивый, в своей неизменно чёрной униформе, а за мной... Ну, вы знаете.

Улыбка медленно сползает с милого личика, глаза принимают форму плошек. О, тоже узнала. Польщён.

А я что? Я ничего. Святую правду сказал, между прочим, ничуть не покривив душой. Какие ко мне претензии?

– Привет, Анжи, – нежно мурлычу, проскальзывая мимо остолбеневшей полукровки, и спешу в комнату, пока хозяйка не пришла в себя и не завопила гостям, чтобы сматыва-

лись.

В комнате дым коромыслом. Душно. В нагретом воздухе витает стойкий «аромат» копти, алкоголя, еды и немытых тел. По лавкам в расслабленных позах сидят четыре подозрительных типа. Рожи красные, глаза пьяно поблёскивают отражённым светом висящей у потолка масляной лампы. С любопытством посмотрев на меня, все так и замирают, не рискуя пошевелиться. Впрочем, один, самый молодой, явно не имел чести знать воочию тёмного стражника Порка. Но глядя на странное поведение своих товарищей, тоже предпочёл не делать резких движений. Вот и молодец.

Раз так, не считаю нужным засвечивать жетон. Достаточно раздвинуть плащ, чтобы выставить напоказ ряд метательных ножей в портуpee. Не скажу с уверенностью, но кое-кто из присутствующих вполне мог быть знаком с моими ножичками. Многим эти перья оставили шрамы пониже спины, коими не очень-то похвастаешь в приличном обществе. Да, такой вот я ленивый. Не люблю, знаете ли, бегать. Потому и таскаю повсюду этот маленький арсенальчик. Слегка тяжеловат, конечно, зато есть, что послать вдогонку тем, кто необдуманно бросится наутёк. Без ложной скромности скажу – ещё никому не удавалось от меня улизнуть.

– Чем обязаны, Порк? – вопрошает из дальнего угла субъект с наглой харей.

Приглядываюсь и узнаю Бурого. Когда-то давным-давно он сколотил банду, которая грабила торговые караваны.

ны в окрестностях столицы. Надо же, сколько лет, сколько зим...

Стоп, ему ж ещё годков шесть на каторге погибаться, если не ошибаюсь.

– Бурый? Ты что, сбежал?

– Обижаешь, начальник. Освободился подчистую, спасибо Его Величеству за Помик.

«Помиком» у жуликов принято называть Указ о помиловании. По нему заключённых выпускают из тюрем, выпинывают с каторги, а иногда и отменяют казни. Наш сердобольный король просто помешан на издании подобных Указов. Шлёпает их штук по десять в год по всякому поводу. То в ознаменование освобождения какого-нибудь города от гнёта тёмных сил, то в связи с праздником урожая, то в честь всемирного дня борьбы с прожорливой саранчой или дня рождения любимой собачки. Зачем, спрашивается, создавал тёмную стражу, если отпускает преступников? Чтобы мы не бездельничали? Вообще-то я и так без работы не сижу. Бандитов на воле всегда предостаточно. Ловить, не переловить. А тут ещё за этими по второму кругу бегай. На кой сардак мне лишняя головная боль?

– Это вы Червонца приголубили в квартале отсюда? – сразу беру быка за рога.

– Ты чё, начальник, не мы это. Чужого жмура на нас не вешай.

– Тогда скажите кто, и гуляйте лесом.

Нисколько не сомневаюсь, что им всё известно – и кто убил, и за что, и где преступника искать. Но не скажут ведь. Да я, собственно, и не рассчитываю. Спросил просто так, для проформы, чтобы светскую беседу поддержать. Мне ведь повод нужен, чтобы упечь этот сброд за решётку.

– Эээ, Порк, не по понятиям базаришь, – подтверждая мои мысли, возмущается Бурый. – Мы корешей не сдаём. Да и не знаем ничё. Какой с нас спрос?

– Я твоего мнения не спрашивал. Если мне понадобятся ваши понятия, то лишь затем, чтобы подтереться.

Молоденький бандит, не выдержав, подрывается с места и пробует достать меня ножом. Ну и воспитание у нынешней молодёжи. Чуть что, сразу за ножи. Сидел бы себе тихо, глядишь, остался бы цел.

Из-за спины вылетает массивная туша Тютя, чудом не сбив меня с ног. Дикий вепрь, несущийся в безумную атаку на охотника, чтобы защитить свой выводок. В подставленную им широкую ладонь со всего маху влипает лицо несдержанного бандита. Тот словно в стену врубился. Голова откидывается, а ноги взмывают вверх. Буйный молодчик с грохотом падает на спину, теряя нож. Ещё и затылком смачно приложился. Двойное сотрясение обеспечено.

Подняв парня за воротник, Тютя водружает пребывающее в прострации тело снова на лавку. Я подбираю нож, втыкаю в стол между кувшинами с вином и обглоданными костями. Только теперь вижу, что у пострадавшего идёт носом кровь.

Сам виноват, нечего бодаться с моим помощником. У него ладонь побольше иной головы будет. К тому же твёрдая, что камень.

Обвожу взглядом притихшую четвёрку. Если кто и хотел рыпнуться, печальный опыт предшественника погубил это желание на корню.

– Перья на стол, – говорю спокойно, заранее зная, где, у кого и что припрятано. Есть у меня такая способность, я же тёмный как-никак.

Они об этом знают, потому выкладывают всё, что есть. Рядом с торчащим в столешнице ножом вырастает небольшая горка железа. Накрываю её своей шляпой. Не дай бог кто к ней притронется, наказания не избежать. Ведь это не просто головной убор, а часть экипировки тёмного стражника, вещь неприкосновенная.

– Тютя, – поворачиваюсь к помощнику. – Всех четверых в городскую тюрьму. Скажешь, чтобы рассадили по разным камерам.

– За чё, Порк? – возмущается Бурый. Слабенько так возмущается, безо всякой надежды. – Мы же ничё не сделали.

– Вот именно. Вы не назвали убийцу.

– Да этот Червонец... Он ведь сам душегуб, каких поискать. По нему давно верёвка плачет. Тот, кто его пришил, вам же одолжение сделал...

– Нам одолжений не надо, – прерываю его тираду. – И за верёвку делать её работу никому не позволено. Она же,

бедная, теперь на слёзы изойдёт, узнав, что вздёрнуть Червонца ей не светит. Может, вас предложить вместо покойничка, чтобы не рыдала понапрасну? А то вдруг убийца так и не сыщется. Ладно, уводи их, Тютя.

Но мой помощник отчего-то хмурится и не сходит с места.

– В чём дело? – спрашиваю.

– Бумага нужна, – бормочет недовольно. Что-то новенькое. Не замечал раньше за своим подчинённым столь ярого соблюдения канцелярских порядков. – Прошлый раз, когда ты гоблина изловил и велел в тюрягу свести, начальник тамошний от ворот поворот мне дал. Почему это, говорит, господин Порк не соизволил сопроводительный тугомент составить. Так и не пустил, выкормыш сардака. Пришлось гоблина во дворе сторожить.

Кошмар! Тютя целую речь толкнул. Похоже, сегодня в лесу кто-то сдохнет. Причём крупнорогатый, да ещё и со всем стадом в придачу. Как бы не пришлось помощника менять. Жаль. Привык, знаете ли, к его молчанию, а тут в нём красноречие вдруг проснулось. Не порядок.

Хотя, он прав, что ни говори. Прекрасно помню тот случай с гоблином. Я же Тютю отправил и об этом благополучно забыл, зная, что помощник исполнит всё в точности. Представьте моё удивление, когда утром прихожу в тюрьму, чтобы засвидетельствовать своё почтение свежепойманному гоблину, и вижу его не в камере на цепи, а связанным во дворе. И рядом Тютя сидит, носом клюёт. Всю ночь не спал бе-

долага.

Знатно тогда огрѣбся у меня начальник тюрьмы. Тот ещё бюрократ. Подозреваю, он просто придрался к Тютю, чтобы не принимать гоблина. От этих сардачьих созданий всегда одни неприятности. Кому охота пускать их к себе, да ещё на ночь глядя. И без разницы тюрьма это или гостиница.

– Будет тебе «тугомент».

Достаю из-за пояса перо и кусок пергамента. Они всегда при мне. Мало ли что... Чернил только вот не ношу. Не хватает ещё в них перепачкаться. Пришлось кликать хозяйку:

– Анжи! Чернила есть?!

– Из жидкостей только вино! – долетает из кухни её недовольное ворчание.

А чего я ждал? Это же притон, а не изба-читальня.

Оглядываю комнату в поисках чего-нибудь пишущего. Внимание привлекает парень с расквашенным носом, который по-прежнему пытается остановить кровь. Через мгновение Тютя крепко держит его за голову, а я, периодически мокая перо в багровые струйки, аккуратно вывожу на пергаменте строчки донесения о задержании подозрительных лиц. При этом похихикиваю, представляя вытянутую физиономию тюремщика, когда он поймёт, что я использовал вместо чернил. Пусть только попробует отказать...

Едва комната опустела, появилась Анжи. В кухню, оказывается, её затолкал мой доблестный помощник. Ну да, как бы он вошёл со своими-то габаритами – прихожка довольно уз-

кая.

Полукровка, гордо вскинув голову, вперила в меня вопрошающий взгляд. «Что дальше?» – читаю по её зрачкам, в глубине которых, на самом дне, прячется испуг: «Что будет со мной?»

Молчу. Мне спешить некуда. Неторопливо обхожу стол, беру шляпу и водружаю на голову. Бандитские ножи по одному отправляются за пояс.

– Ну что, Анжи... – плавно начинаю «наезд». – Решила вспомнить молодость?

– А разве я старуха? – бросает с вызовом.

Вот ведь... штучка! И страх не показывает. Корчит из себя благородную.

Честно признаться, да, выглядит молодо и шикарно. Её бы нарядить в шелка – вылитая графиня. А то стоит передо мной в драном платье, плечи голые, через оторванную заплату на юбке колено виднеется. Впрочем, такая непреднамеренная вульгарность ей даже к лицу.

– Чтобы не состариться в тюрьме за укрывательство преступников, будь добра, скажи, кто и за что прибил Червонца.

– Кто – не знаю, – говорит, глядя прямо в глаза. И, похоже, не врёт. – А за что... Червонец давно нарывался. Работал сам. В рамки приличия себя не загонял. Грабил всех и каждого, не брезгуя ни тёмными, ни светлыми.

Замолчала, обдумывая что-то.

– И в один прекрасный момент... – подталкиваю к про-

должению.

Тяжкий вздох, но рассказывает дальше:

– Он порезал какого-то тёмного. А у того подвязки среди ооочень крутых ребят.

– Да? Это каких же? Я, вроде, всех знаю.

– Про Белугу слышал?

Удивлённо приподнимаю бровь. Хм, не только слышал, притомился уже отлавливать его ребят. Самая разветвлённая преступная сеть в городе, ряды которой постоянно пополняются. А руководит ею подпольный магнат Баскан эль Уга – тёмный, как вы, наверное, догадываетесь. По жизни обычный торгаш, каких пруд пруди. Осторожный и хитрый, сродни сардаку. До сих пор Баскана не прижучили только из-за того, что все ниточки, которые тянутся к нему от исполнителей, вечно обрываются где-то посередине. Этот купчишка создал сложную многоступенчатую структуру. Удивляюсь, как он сам до сих пор не запутался в ней. Лично Белуга рук никогда не марал и постоянно выходил сухим из воды.

Кстати, своё прозвище он получил за привычку подписывать официальные бумаги сокращённым именем – Б. эл'Уга.

Интересно, кому из охламонов Баскана не посчастливилось попасть под нож Червонца? Спрашиваю об этом Анжи. Её ответ заставляет подняться мою вторую бровь:

– Точно не знаю, но поговаривают, что пострадал племянник Белуги.

Интересно девки пляшут!

До меня доходили слухи, что Баскан лечит племянника у лучших целителей после некоего несчастного случая, но стража туда с расспросами не лезла. Официального хода делу, само собой, никто не дал. Да и плевать мне, честно говоря, с высокой колокольни на Угову семейку со всеми её прихлебателями вместе взятыми. Пускай хоть до последнего пережуют. Только воздух чище станет.

Чего это я разошёлся? Нельзя же так. Не слушайте меня, люди. Любое преступление должно быть наказуемо! Иначе на кой сардак нам законы? А что до Белуги с его бандой, наступит когда-нибудь их черёд. Сколь веревочке не виться...

Погодите, погодите. Если подняли руку на члена тёмной семейки, а её глава озабочен кровной мезьей, то должен сам лично покарать обидчика. Ну, в крайнем случае, присутствовать при акте возмездия. Уж такие порядки у нас, у тёмных. Это что же получается, Баскан был на месте преступления? Да, как минимум. А мог и сам убить.

Чувствуя, что у меня появился шанс прищемить хвост неуловимому Белуге, срываюсь с места и стрелой вылетаю из дома.

– Заходи, Порк! – несётся вдогонку. – Всегда тебе рада!

Рада она, как же. Впрочем, её клиентов-то я разогнал. По крайней мере, сегодняшних...

Глава 3

Батрачка Миранда и её злключения

С чего начинаются многие сказки? Известно с чего – с истории об отце, у которого было три сына. Как правило, старший умный, средний ни то, ни сё, а младший и вовсе дурак.

Тютя был третьим. Не сказать, чтобы совсем уж недотёпа. Неплохо соображал, когда надо. Будто взял понемногу от каждого сказочного брата. То полным придурком выглядит, то наоборот, выкинет что-нибудь заковыристое, до чего не всякий умник додумается. А бывает, прикинется ветошью, притаится, и плевать ему на всё с высокой колокольни. Сидит себе тихо. Мол, я вам не мешаю, и вы ко мне в душу не лезьте.

Думаю, это из-за того, что старшие братья у Тюти, вроде, и были, но в то же время не было их. Одинокий он с рождения. Спросите, как такое возможно? А вот послушайте.

Мать этого увальня батрачила в каком-то далёком, глухом селении, у самой границы Чёрных Лесов. Нет, места эти не прокляты. Лес как лес, вполне себе зелёный. Опасный только. Там с давних пор обитали огры – совершенно дикие, необузданные твари. Они вообще довольно часто селятся в мало обжитых местах. Редко увидишь их толпой. Чаше

одного, двух от силы. Говорят, что это тёмные, давным-давно потерявшие человеческий облик. Что ж, вполне возможно. Только вместе с обликом они, похоже, утратили свой разум. Иначе с чего бы им с дубинами по лесу бегать? Ладно бы на зверей охотились, так ведь и человека могут запросто сожрать. Заезвается путник на лесной тропинке, шлёп его по темечку, освежают и на костёр. Готово жаркое. А то и в сыром виде употребят.

Бывает, у огров совсем рвёт крышу, и они совершают набеги на сёла. Но подобное случается редко. Не настолько тупы эти твари, чтобы не понимать, что с дубиной против копий и стрел у них совершенно нет шансов. От калёного железа никакая шкура не спасёт, даже толстенная огровская. Этот урок усвоен ими давно. Предпочитают отлавливать случайных прохожих. Или скотину по сёлам тырят.

Но в той деревне, где батрачила Тютина мать, всё было не так.

Её хозяин жил с ограми вполне себе мирно. Те обходили деревню стороной, не трогая ни скот, ни людей, даже работающих на дальнем поле, у самого края леса. Сумел как-то с ними договориться. Случай из ряда вон, если не вникать в детали.

Этот пройдоха – светлый, к слову, звали которого Паласан Ренат или сокращённо Паларен, – очень хорошо умел считать свои денежки. Батраков у него было ровно столько, чтобы сильно не тратиться, но и хозяйство не запускать. Лиш-

ние рты кормить ему незачем. Тем более тех, кто работать не мог. Стариков, детей и больных у себя не держал. Одна молодёжь. Бабы в самом соку – работающие, крутобёдрые, титькатые. И мужичьё им подстать.

Бывало, конечно, кто-то там руку или ногу сломает, а то ещё какую хворь подхватит. Целителя в тех краях днём с огнём не сыщешь. Полежит бедолага, помается день-другой, а потом, глядишь, уже и нет его. А на месте этого вскоре другой батрак появляется, свежий и здоровый.

Люди не сразу смекнули, куда это калечные пропадают. А тут ещё бабы рожать взялись. Жили-то все вместе, в бараках. Само собой, там царила полная свобода нравов. Ну и попёрли на свет первые плоды любви. Только и молодые мамы стали куда-то деваться вместе с новорождёнными.

Хозяин говорил, что такие работники ему и даром не нужны. Что увозит их в ближайший город и оставляет в ночлежке. А дальше те предоставлены сами себе. Он же нанимает новых. Но правда вскрылась, когда появились на свет два Тютиных брата. Да-да, близнецы.

– Собирайся. Едем в город, – приказал хозяин, кинув матери двойняшек большой кусок мешковины.

Она с тревогой ждала эту поездку вот уже несколько недель, пока отходила от родов и откармливала грудным молоком два кричащих комочка. Знала, что хозяин выпроваживает всех мамаш с детьми. Рано или поздно точно так же поступит и с ней, несмотря на то, что работала, не покла-

дая рук, до последнего момента, пока была на сносях. Умолять, взывая к милосердию, бесполезно. Многие пробовали, да толку никакого.

Безропотно замотав детишек в мешковину, Миранда прижала их к себе и поплелась во двор.

Там уже стояла запряжённая коляска. Хмурый хозяин поджидал, нервно теребя поводья. Правил он, как всегда, сам.

– Давай живее, – бросил недовольно и тронул коня, едва женщина успела забраться в коляску.

Упав на жёсткую скамейку, Миранда чуть не выронила детей. Больно ударилась локтем и бедром, охнула. Близнецы заревели.

– Ш-ш-ш... – стала качать, сдерживая стон.

А на сердце тоска, хоть сама вой. Что будет с нею в городе? Одна, с детьми. Брошенная, никому не нужная. Ни работы, ни крыши над головой.

– Да заткни ты их, в конце концов! – повернул хозяин перекосенное злобой лицо. – Сначала нарожают, сучки сардачьи, а потом житья от них нет...

Дети не унимались. Укачивала долго, приноравливаясь к немилосердной тряске, пока более-менее не успокоила. Только затем, подняв голову, посмотрела по сторонам и ахнула:

– Куда мы едем, господин Паларен?

Экипаж катил по краю хорошо знакомого поля, где Ми-

ранда работала до самых родов. По другую сторону дороги тянулся Чёрный Лес.

– Куда надо, туда и едем, – буркнул хозяин и вдруг свернул в едва заметный просвет между деревьями.

– Но в город же не сюда, – предчувствуя неладное, нерешительно возразила женщина.

– Тебе почём знать? Здесь путь короче.

Он даже не оборачивался. Только нервно зыркал по сторонам, вздрагивая от каждого шороха.

Встревоженная Миранда оглянулась. Просвета, через который они въехали, уже не видно. Сплошные заросли. Да и дороги никакой нет. Лишь небольшая прогалина, изрезанная корнями деревьев, на которых то и дело подскакивает коляска.

– Ахрр! – вдруг послышалось где-то совсем близко.

Лошадь испуганно заржала, дёрнулась и встала, как вкопанная. Вздрыгнул и Паларен, вжав голову в плечи.

– Вылезай, – бросил сдавленно, будто боялся, что его услышат.

Молодая мать внезапно поняла – хозяин собирается оставить её здесь, в лесу, вместе с детьми.

Страх сковал горло.

– Милорд, прошу вас... Пощадите, – прохрипела осипшим голосом, глотая подступившие слёзы.

– Слазь, говорю. Живо!

Порывисто прыгнув с коляски, хозяин подскочил к Ми-

ранде. Схватил за волосы и грубо сдёрнул, бросив её на землю. Женщина упала на колени, успев свободной рукой упереться в бугор древесного корня. Дети, крепко прижатые к груди, снова заревели, оглашая округу писклявыми головами.

– Но! Пошла! Пошла!

Повозка, грохоча колёсами, обогнула ближайшее дерево и помчалась вон из леса.

Не вставая, женщина отползла к широкому стволу. Втиснулась между корнями. Всклипывая и дрожа всем телом, судорожно гладила крохотных близнецов, чувствуя сквозь мешковину их тепло.

Где-то слева затрещали ветки, словно огромных размеров зверь продирался сквозь чащу.

– Ахрр! – снова рыкнули почти над самым ухом. Завоняло псиной.

Замерев, Миранда медленно повернула голову. Сердце, казалось, вот-вот выскочит. Его стук отдавал в голову, буквально разламывая виски. Но женщина тут же забыла о боли, увидев появившееся чудище.

Типичный огр. Ни мал, ни велик, но гораздо выше человека. И силён... Мускулы в три обхвата. Короткая рыжая шерсть по всему телу. Только на голове волосы длинные. Узкий лоб с двумя выпирающими дугами. Из-за кустистых бровей почти не видно глаз. Нос картошкой, переносица вдавлена. Ноздри раздуваются, втягивая воздух. Мощные челю-

сти выдвинуты вперёд. Из-под мясистых губ торчат клыки. Уродливая нечеловеческая рожа.

Одет лишь в обмотанную вокруг талии шкуру какого-то зверя. В руке огромная дубина, способная, казалось бы, одним ударом расплющить и Миранду, и близнецов.

Огр заинтересованно уставился на шевелящуюся мешковину, из-под которой слышался сдавленный детский плач. Наклонился, протягивая широкую лапищу. Нащупал детей и тут же сгрёб их толстыми, грязными пальцами. Хотел забрать, но перепуганная женщина мёртвой хваткой вцепилась в своих чад. Подалась вслед за сильной огровой рукой.

– Ррыг-га! – недовольно рявкнул тот и, уперев толстый конец дубины Миранде в лицо, сильно прижал её голову к стволу дерева.

В глазах потемнело. Руки ослабли, безвольно упав на колени.

Когда в голове слегка прояснилось, женщина увидела ужасающую картину. Огр поедал её ребёночка, держа того перед своей жующей, окровавленной мордой, будто тушку цыплёнка. Другой близнец ещё слабо шевелился во второй лапе монстра, раскрыв рот в отчаянном крике. Только Миранда ничего не слышала. В ушах стоял сплошной колокольный звон. Всё тело налилось неодолимой тяжестью. Женщина не чувствовала ни рук, ни ног. Словно во сне смотрела, как по кусочкам исчезает маленькое тельце, перемалываемое жерновами страшных зубов. Как, покончив с первым дитём,

чудовище взялось за следующего. Долбанув затылком о толстую ветку, начало постепенно поглощать, разбрызгивая ещё тёплую кровь.

Этого зрелища Миранда уже не вынесла. Сознание нырнуло в спасительные глубины беспамятства.

Очнулась оттого, что её волокли по земле. Болела изодранная спина. Голова подскакивала на каждой неровности, не давая разогнать клубившийся в глазах чёрный туман. Движение, наконец, прекратилось. Раздался треск рвущейся материи. Стало холодно.

В какое-то мгновение мир перестал скакать, и женщина смогла разглядеть огра, срывающего с неё одежду. Ну да, чего ему тряпками-то давиться. Это несъедобно. Мясо надо употреблять в чистом виде, без упаковки.

Она готовилась к смерти. Было уже всё равно. Поскорей бы только это кончилось...

Её грубо перевернули на живот. Крепко схватив за бёдра, до хруста развели ноги.

Он что, собирается разорвать добычу?

И вдруг нестерпимая боль в паху. Словно кто на кол насадил, а Миранда резко съехала вниз, чувствуя, как тёсаное остриё глубоко врезается в плоть, разваливая тело надвое. Она закричала, едва не потеряв сознание. Мучитель, будто услышав её крик, смилостивился и приподнял с кола. Но тут же насадил обратно, с куда большей силой. Снова дикая боль и вопли. Снова кол уходит и возвращается. И так

постоянно, со всё нарастающей скоростью...

Когда пришла в себя, огра поблизости уже не было. Миранда лежала на земле совершенно голая. Саднило между ног. Там всё было в крови и липкой слизи. Осмотрела себя. Вроде, цела, если не считать царапин и ссадин.

Встать получилось с большим трудом. Любое неосторожное движение отдавало резкой болью в паху и животе.

Собрав остатки одежды, кое-как прикрыла наготу и заковыляла на непослушных, негнущихся ногах, куда глаза глядят.

Она понятия не имела, в какой стороне выход из леса. Да и не собиралась его искать. Просто шла, ни о чём не думая. Впрочем, нет, думала, спрашивая себя, почему огр её так и не сожрал. Насытился детьми? Мог хотя бы просто свернуть шею. Зачем ей жить после всего, что случилось. Где он? Пусть вернётся и покончит с ней...

Не заметила, как вышла на дорогу, тянущуюся по краю леса. Не выбирая направления, долго брела по укатанной земле, ничего не соображая. Очнулась оттого, что кто-то приложил к растрескавшимся губам горлышко фляги.

Схватив посудину за круглые бока, принялась жадно хватать ртом живительную влагу. Вода смочила пересохшую глотку, ненадолго вернув желание жить.

– Что с вами? Откуда вы? – незнакомый мужчина озабоченно заглядывал в лицо, поддерживая Миранду за плечи.

А она лишь тряслась да всхлипывала, кутаясь в изодран-

ное платье.

Где-то рядом фыркнул конь. Повернув голову, женщина увидела добротного скакуна под седлом, навьюченного, по-видимому, в дальнюю дорогу. Он спокойно щипал траву на обочине, обмахиваясь пушистым хвостом.

Перевела взгляд на незнакомца. Сапоги, перчатки, шляпа и плащ – всё серое от пыли. Даже нос и щёки припорошены. Усы висят грязными сосульками. Зато камзол отливает чистым серебром. И золотая перевязь так и горит под лучами заходящего солнца.

Заходящего? Всемогущие боги, уже вечер! Из деревни выехали рано утром. Сколько же она бродила по лесу? Где она сейчас? Что за мужчина стоит рядом?

В памяти всплыла картинка – огр, пожирающий младенцев. Женщина зарыдала, уткнувшись лицом в серебристый камзол незнакомца...

Пришлось расседлать жеребца, развести костёр и натянуть полог прямо здесь, у дороги, окаймлявшей Чёрный Лес. Нет, Нэсса ан Торика ничуть не пугали живущие там твари. Но в деревне, до которой оставалось всего ничего, было бы куда спокойнее. А так – здравствуй, бессонная ночь.

Угораздило же повстречать эту блаженную. Ни слова не проронила. Только рыдает вечно. Уже и слёз-то нет. Успокоилась насилу. Заснула.

Вообще-то жаль её. Видно, досталось бабе ни по мело-

чи. Одежда в ключья. Сама изранена. Вон, вся в кровищи. Не поймёшь, в чём душа-то держится. Дааа, дела. Ну, пускай поспит, а поговорить можно и поутру.

Нестор подкинул дров. Прислушался.

Нет, не показалось. Трещит не в костре, а именно в чаще. Кто-то ломится сквозь ветки, не разбирая дороги. Причём, сюда. На расстоянии мало что смог «увидеть». Двухное создание непонятной наружности с абсолютно тёмным, непрозрачным нутром. Дикий зверь?

Осторожно вынул шпагу, положив её рядом. Треск всё громче и отчётливее. Уже и дыхание слышно. Тяжёлое, как у медведя или крупного кабана.

Хорошо, если кабан. Этого и огонь отпугнёт...

Всё же готовиться надо к худшему. Неожиданностей не будет.

Вот и не удивился, когда в свете костра увидел мощную фигуру огра.

Встал, прошёлся взад-вперёд, разминая ноги. Держа в одной руке шпагу, а в другой кинжал, крутанул ими пару раз. И кисти разогрел, и предупредил заодно. Глади, мол, на кого прёшь, переросток.

Как ни тупы огры, а язык свистящего металла понимают прекрасно. Понял и этот. Остановился. Тыча дубиной за спину Нэсса, прорычал:

– Аргар-ра харр.

Что? Твоя добыча? Да ты наглец, пушистик. С каких это

пор люди стали вдруг чьей-то добычей? Ничего не попутал?

Нестор и ухом не повёл, продолжая заслонять спиной спящую женщину. Тело расслаблено, шпага опущена, колени чуть согнуты.

– Ррыг-га! – взревел огр.

Ага, сейчас, разбежался. Считай, что уже отдал. Держи карман шире.

Шевеление сзади. Краем глаза Нестор заметил женщину, кутавшуюся в его плащ. Выбралась из-под полога и стоит молча, никак не реагируя на происходящее.

Увидев «добычу», здоровяк осмелел. Пошёл вперёд, огибая костёр. Но и Нестор не дремал. Проворно заступил дорогу, направив остриё шпаги на врага. Тот хотел отмахнуться дубиной, как от назойливой мухи, да не попал. Прوماх разозлил. Громко зарывчав, огр замахнулся и с невероятной силой опустил своё допотопное оружие человеку на голову.

Дубина грянула о землю, проделав довольно глубокую вмятину. Стой Нестор на месте, непременно превратился бы в кровавую лепёшку. Мягкий перекат под руку и удар с колена шпагой в грудь. Одновременно кинжалом в бицепс.

Конечно, для толстенной шкуры огра эти хрупкие с виду клинки не страшнее занозы или перочинного ножичка. Сюда бы алебарду, а ещё лучше копьё. Но у Нестора свои секреты. Не даром же он долгое время оттачивал боевую магию.

Тут делов-то. Наложить на лезвие «прожигатель», да в сердце попасть.

Затем вставай, делай шаг в сторону и спокойно смотри, как валится к твоим ногам бездыханное тело.

Эх, кончик шпаги запорол. Вон, посинел весь и оплавился малость. Ну, ничего. Хороший кузнец вмиг поправит.

Вогнав шпагу в ножны, Нестор взглянул на женщину. Та по-прежнему стояла в стороне, безучастная ко всему, и казалась неживой. словно вешалка, странно похожая на человека, на которую накинули дорожный плащ.

Вдруг шевельнулась. Подошла к мёртвой туше и смачно плюнула в повёрнутую набок морду, попав прямиком в удивлённо раскрытый, остекленевший глаз.

– Это он... Тот самый огр, что съел... моих малышей, – произнесла глухо.

Миранда, как назвалась женщина, всё рассказала. Сама, без каких-либо расспросов. Её будто прорвало после долгой немоты. Пересказ горьких воспоминаний сдавливал ей горло, но справилась. Даже не всплакнула ни разу.

Нестор не перебивал. Спросил только название деревни, где жила батрачка. Хотя и сам уже догадался, что едет именно туда. Чересчур много вопросов накопилось у стражи к тамошнему землевладельцу по прозвищу Паларен. Вот и отправили Нестора с ним разобраться. Правда, сведения были расплывчатые, никакой конкретики. Всё на уровне слухов. Не знал даже с чего начать. И вдруг нате вам, такой подарок. Сразу есть что предъявить. Скармливание огру двух младенцев и одной взрослой женщины. Три жертвы, за каж-

дую из которых уже полагалась виселица.

Глава 4

И появляется на свет полный несусвет

– Миранда! Как же так! – всплеснула короткими ручонками дородная тётка.

Она буквально выкатилась навстречу, едва Нестор завёл коня на деревенский гостевой двор и помог Миранде слезть. Наверняка здешняя кухарка. Белый фартук, и едой за версту несёт. Похоже, от безделья маялась, поглядывая в окошко.

– Милорд сказывал, что свёз тебя в город. А ты вот она. Чего вернулась-то? А детки твои где? Кто ж за ними присматривает?..

Вопросы из неё так и сыпались. Миранда не отвечала, упрямо поджав бледные губы.

– Отведи-ка её в комнату, – вмешался Нестор. – Дай помыться и накорми.

Толстуха развела руками:

– Дак я бы рада. Только не живёт она уж здесь. Выселил её хозяин-то.

– Насколько я понял, это гостевой двор?

– Да, милорд.

– Вот и прими гостью, как подобает.

– Всенепременно, милорд. Только с гостей мы плату бе-

рём. А с батрачки что возьмёшь?

Достав серебряную монету, Нестор сунул её в пухлую ладонь кухарки. У той на лице мелькнуло изумление, и рука с монетой молниеносно скрылась под фартуком.

– Пойдём, хорошая моя, – толстуха приобняла Миранду. – Отведу тебя в комнату, накормлю, напою. Там всё и расскажешь...

Дом Паларена стражник нашёл без труда. Белокаменные палаты слишком хорошо выделялись на фоне убогих одноэтажных построек, где прозябали батраки. Да и единственная мощёная улочка понятно куда вела.

Отправился по ней пешком. Коню тоже не повредит отдохнуть. Деревенька-то сравнительно небольшая. В одну сторону сто шагов, и столько же в другую.

Миновал бараки под пристальными взглядами кошеваров, колдующих над огромными чанами во дворах. Пересёк ухоженный сад с весело плещущим фонтаном и поднялся по широкой каменной лестнице к парадному входу. В него, похоже, и на коне можно въехать. Высокая двустворчатая дверь из морёного дуба с резными барельефами зверей выглядела надёжно. Всё равно, что крепостные ворота. Мощи ей придавали две толстые колонны по бокам, поддерживающие массивный каменный козырёк.

– Что угодно милорду? – поинтересовался мордатый громила, высунувший в приоткрытую дверь свою недовольную рожу, едва Нэсс дёрнул шнурок звонка.

– Мне угодно видеть хозяина, – ответил спокойно.

– По какому вопросу?

Нестор в удивлении округлил глаза:

– Неужели ты настолько приближён к своему господину, что считаешь себя вправе знать, о чём он будет говорить с гостем?

В замешательстве громила пошевелил квадратной челюстью. Потом всё-таки выдал:

– Паларен доверяет мне, как никому другому.

– Да? Что ж, я за тебя ужасно рад. Но предпочёл бы спросить об этом самого Паларена. Пойдём к нему вместе? Или просто дашь мне пройти, чтобы я случайно не обмолвился о тебе словечком?

Расчёт оказался верным. Верзила отступил, распахнув двери ровно настолько, чтобы пропустить Нэсса.

Просторный холл весь залит дневным светом, благодаря высоким стрельчатым окнам. Лестница слева, лестница справа и лестница прямо. Куда идти?

– Где он? – спросил коротко, хотя уже не нуждался в ответе, «увидев» мутное пятно хозяина выше и правее.

Квадратная челюсть охранника дёрнулась в ту же сторону, показав на правую лестницу.

– Второй этаж, – прогудел он. – Первая дверь налево. Там его библиотека.

Отгрохал же домину, сардачий выродок. Ещё и библиотеку соорудил. Начитанный, гад. И кому теперь всё это доб-

ро достанется? Родственников-то у него нет. Жадина, каких мало. Каждую монетку только на себя и тратил. До сих пор живёт бобылём.

– Чем могу?.. – заискивающе начал было Паларен, расшаркиваясь в унижительных полупоклонах.

Свет на груди Нэсса вынудил его заткнуться. Лицо сделалось восковым, похожим на маску с идиотской, будто наклеенной полуулыбкой. Хозяин особняка перестал суетиться и замер, уперев пустой взгляд в сияющий жетон стражника.

– Палас ан Ренат! – церемониально провозгласил Нестор. – Вы обвиняетесь в убийстве живых людей, совершённом путём скармливания оных тёмным тварям во избежание нежелательных действий с их стороны в отношении вас, ваших подданных и вашего имущества. Можете ли сказать что-либо в своё оправдание?

Полная тишина в ответ. Видя, что у тщедушного Паларена вот-вот подкосятся ноги, Нестор поспешил придвинуть стул. Когда перепуганный хозяин в бессилии сел, стражник закончил:

– Вас будут судить королевским судом.

– Не может быть... Не может быть... – повторял хозяин, мотая растрёпанной головой. Потом нервно хихикнул: – Это просто невозможно. Ведь они все умерли. Откуда вам знать?..

Он осёкся, понимая, что проболтался.

– Послушайте! – цепко схватил Нестора за рукав. – Но вы же светлый. Какое вам дело до этого отребья? Они ведь никто. Их тысячи... Миллионы никчёмных людишек, напрасно коптящих небо. Нищие, бродяги, воры... Вот с кем надо бороться. Вот кого изводить.

– Возможно. Только делать это не вам. И уж точно не тем способом, который избрали вы.

– Да, да... Виноват. Каюсь. Не сдержался. Принял участие. Уж как мог. Насколько ума хватило... И что? За это гнить на каторге?

От усмешки Нэсса веяло холодом.

– Нет. Вас повесят.

Преступник вздрогнул, отшатнулся. Вскочил, опрокидывая стул.

На шум в библиотеку ворвался давешний охранник с квадратной челюстью. Видимо, подслушивал за дверью. Глаза бешено сверкают. В руке кривой ятаган. Похоже, пиратствовал в прошлом.

Сразу накинулся, не утруждая себя вопросом, что же тут произошло. В итоге получил эфесом в лоб. Рухнул на спину, да так и остался лежать без движения.

Трясущегося хозяина Нестор нашёл под столом. Выволок на свет божий, но лишь для того, чтобы запереть в подвале до приезда королевских дознавателей.

Судили его через несколько дней. Прилюдно, прямо здесь, в деревне, во дворе собственного дома.

Паларен изворачивался, как мог. Даже показания Миранды нашёл чем опровергнуть:

– Я просто беспокоился о ней и о детях. Как они дорогу-то перенесут? Повёз напрямик, через лес. Да, рисковал. Нарвался на огра. Когда поворачивал второпях, не заметил, как женщина выпала. Виноват, что не досмотрел. Но разве ж это преступление?..

Разбирали, естественно, лишь этот случай. Других свидетелей обвинения по известным причинам не было. Всё шло к тому, что Паларена могут оправдать. Об этом королевский дознаватель, который вёл процесс, и шепнул Нестору:

– При таком положении дел, милорд, я не смогу даже на каторгу его упечь. Не говоря уже о виселице.

– Он же всё врёт. Неужели не видно?

Мантия судьи раздвинулась вслед за разведёнными руками.

– Слово светлого против слова безродной бродяжки...

– Мне же он сознался. Могу выступить свидетелем.

– Вы вправе лишь потребовать поединок справедливости.

Но помните, что светлый не может убить светлого. Для этого нужен тёмный.

– Или светлый на службе тёмной стражи.

– Да, но это же не ваш случай.

– При желании я могу заявить вам, как королевскому дознавателю, о переходе в тёмную стражу. А вы это утвердите.

– Хм, – судья задумался. – Уверены, что хотите поступить

именно так?

– Да, – прозвучал твёрдый ответ.

Собеседник внимательно глянул на Нестора.

– Станный вы человек. Понимаете, что возврата не будет? Готовы пожертвовать всем? Ради кого? Какой-то бродяжки...

– Она тоже человек. А то, как поступил этот сардачий сын, бесчеловечно. Разве он достоин того, чтобы называться светлым? Если да, то не хочу иметь ничего общего с такими светлыми. Если нет, мне самое место в тёмной страже. Кому-то ведь надо стать чистильщиком...

– Именем короля провозглашаю приговор! – Дознаватель обвёл притихшую толпу внимательным взглядом. Все слушали, затаив дыхание. – Палас ан Ренат, владелец и управляющий данной земли, обвиняемый в убийстве живых людей, признан мною... невиновным!

Народ выдохнул со стоном – то ли разочарованно, то ли облегчённо. Паларен самодовольно скалился, победно глядя на Миранду. Презрительный взгляд с обещанием очень скорой мести. На батрачку было больно смотреть. Сгорбилась, голова ниже плеч. Похоже, окончательно сдалась, вручив свою жизнь на откуп злодейке-судьбе.

«Не бойся, девочка. Ещё не всё потеряно».

– Есть ли среди вас те, кто посмеет утверждать обратное? – снова разнёсся над гомонящей толпой сильный голос дознавателя.

Этих-то слов Нестор и ждал.

– Я! – Он вышел вперёд, встал против Паларена и, пристально глядя в его бегающие глазки, выкрикнул: – Именем бога и короля нашего я, Нэсс ан Торик, называю этого человека убийцей. И дабы не избежал он кары, настаиваю на праве поединка!

Народ опять взволнованно загудел.

Зато во взгляде Паларена поначалу, вроде бы, и вспыхнула тревога, но потом угасла, уступив место насмешке.

– Вы не можете, ваша *светлость*, – сказал, выделив последнее слово.

– Могу, – шепнул Нестор и повернулся к судье, стоявшему на верхней ступеньке парадной лестницы. Подняв голову, прокричал: – Прошу королевскую канцелярию утвердить мой перевод в тёмную стражу Его Величества!

– Утверждено! – поспешил провозгласить королевский дознаватель, поднимая правую руку.

Невидимые нити потянулись от его ладони к Нестору. Высветили жетон стражника на груди. В считанные секунды поменяли эмблему и письма, снова спрятав обновлённый знак под камзол.

Вот и всё. Обратной дороги нет.

Выхватил шпагу. Снял и отбросил в сторону пустую перевязь. Повернулся к сопернику.

А того будто подменили. Куда подевался трусоватый тип с бегающими глазками? Набычился, брови свёл, смотрит,

словно испепелит сейчас. Рожа красная от распирающей ненависти. Люди торопливо разбегаются, освобождая полукруглую площадку перед крыльцом. Бегут всё быстрее, всё дальше. Вот уже рассыпались по саду, попрятались за деревья. Драка между светлыми – это вам не шутки. Заклинания рикошетят направо и налево. Кого зацепит, не дай бог, долго потом в себя не придёт, если вообще жив останется и не калякой.

Первым ударил Паларен. Хорошо саданул, от души. «Кулак света», не иначе. Только напоролся на выставленный Нестором «щит». И рассыпался его «кулак» на миллион быстро затухающих искр. В ответ получил «молотом». Тоже попробовал прикрыться. Заклинание царапнуло поверхность поднятого над головой «щита» и целёхонькое нырнуло вниз. Повторный удар, уже в грудь. Не искушённый в боевом искусстве землевладелец отлетел к фонтану. Влип спиной в каменное ограждение с такой силой, что разнёс его на куски. Простой смертный уже бы не поднялся, а этот сразу встал. Наверно, вода из фонтана в чувство привела. Вон, мокрый весь.

– Шпагу мне! – хрипит яростно.

Бывший охранник тут как тут. Вложил в протянутую руку изящный клинок. Похоже, Паларен понял, что в магическом противостоянии он слабак. Решил испробовать другой способ? Впрочем, судя по горе украшений на шпаге, вряд ли она служила для оттачивания мастерства.

Выпад. Ещё один. Связка.

Отбить атаки получилось довольно легко. Но пот на лбу всё же выступил. Не так-то прост этот Палас ан Ренат, как хочет казаться. Ох, не прост. Жди подвоха...

Это случилось, когда Нестор пошёл в наступление. Противник открылся. Вернейший, казалось бы, укол, который не мог не достичь цели, пропал даром. Ответ не заставил себя ждать.

Спасло безупречное чутьё опытного бойца. Нэсс не провалился в образовавшуюся пустоту. Вовремя остановил атакующее движение, почему и смог резко крутануть корпусом, уходя от невесть откуда взявшегося кинжала во второй руке Паларена. Правда, пришлось хорошенько потянуть связки. Теперь болеть будут. Лезвие мелькнуло в дюйме от горла. Соперник мгновенно перенаправил остриё, собираясь всё-таки вонзить его в шею на возврате.

Поздно. Шпага Нестора вошла ему в бок, проткнув тело насквозь.

Удивлённые глаза и опадающие руки.

Теперь направить по клинку «возмездие», чтобы оно проникло в кровь и расползлось по венам, высасывая из убийцы остатки его никчёмной жизни.

Кожа чернеет, морщась и обтягивая скелет с высохшими внутренностями. Спустя минуту со шпаги соскальзывает заиндевевшая мумия того, кто некогда был хозяином этого поместья, владельцем душ и тел своих батраков.

Всё разрешилось как нельзя лучше.

Пойти бы поместьем с молотка, не будь в этом деле потерпевших. Вернее, потерпевшей. Миранда оказалась единственной, чьё право на компенсацию признал суд. Без какого-либо смущения королевский дознаватель объявил, что всё имущество Паласа ан Рената, движимое и недвижимое, переходит в собственность Мираэль ан Дабар.

Так и стала она землевладельцем из простой батрачки. Чем не сказка со счастливым концом. Казалось бы, всё наладилось, живи-поживай да добра наживай. К сожалению, жизнь штука подлая. Никогда не угадаешь, где ударит и как сильно.

Вскоре Миранда узнала, что беременна. От кого? От огра, конечно же.

Случай один на миллион. Представляете, что может родиться от подобного соития?

Да-да, родился Тютя. Правда, в то время его ещё никак не звали. Мать умерла при родах, не успев дать имя ребёнку. А больше никому этот уродец и не нужен был. Подумаешь, сын хозяйский. Мало ли какого ублюдка произвела на свет.

Снова вмешался Нестор. Не забывал он спасённую женщину. Частенько навещал. Сам же и похоронил на кладбище вопреки желаниям селян, которые хотели выбросить её тело в Чёрный Лес, да ещё и с приплодом в придачу. Пришлось напомнить о судьбе бывшего хозяина, творившего практиче-

ски то же самое. Помимо прочего, Нестор приехал с грамотой от королевской канцелярии, согласно которой являлся опекуном осиротевшего младенца.

А тот, надо сказать, немало удивил. Чего только не ожидал увидеть Нэсс, представляя какого-нибудь темнокожего страшила с уродливой звериной мордой и когтями. Вместо этого ему передали довольно крупный, увесистый свёрток, в котором ворочался и натужно кряхтел, пытаясь высвободиться, розовощёкий бутуз вполне человеческой наружности. Да, чересчур большой. Да, слишком сильный для новорождённого – все пелёнки порвал. Но вне всякого сомнения это был обычный человек.

От пелёнок довольно скоро пришлось отказаться. Последняя расплзлась по швам ещё в дороге.

– Вот же тютя! – в сердцах бросил Нестор, стаскивая с крепкого, плотно сбитого тельца изодранную материю.

Прозвище прилипло, став именем.

Развивался ребёнок стремительно. В месяц пробовал встать на ноги. В два уже ходил. В год выглядел на все три. В пять лет Нестор повёл его в школу. Думал, что пора. Ошибся. Умом Тютя не блистал, потому школьные премудрости давались ему со скрипом. Зато силён был не по годам. И чувство справедливости, привитое Нэссом, чтил свято. Попробовал бы кто при нём обидеть слабого, не говоря уже о самом Тютяе. Это меня и привлекло в бугае. Как сейчас помню разговор с Нестором.

– Порк, возьми пасынка в помощники, – с ходу, безо всяких прелюдий выдал тот, показывая за спину, где высился человек-гора.

Честно скажу, габариты меня впечатлили. Но вот пустой, отсутствующий взгляд...

– Что, пристроить некуда? – догадываюсь, видя, что попал в точку.

Нестор хмурится.

– Боюсь, набедокурит где-нибудь, – признаётся честно. – А в тёмной страже всегда под присмотром будет. Не ты, так я пригляжу.

– В няньки не нанимался. Прекрасно знаешь нашу работу.

– Знаю. Потому и прошу. Здесь он будет на своём месте.

Вот увидишь.

– А к себе в патруль чего ж не возьмёшь?

– Не хочет. Говорит, взрослый уже, чтобы вечно под моей опекой быть.

– Дааа? – тяну слегка удивлённо и внимательнее всматриваюсь в лицо великана.

Вроде, всё такое же простоватое, даже наивное. Но вдруг что-то сверкает в глазах. Настолько светлое, глубокое и мудрое, что я чуть не тону. Слава богам, это длится лишь мгновение.

– Хорошо, – говорю, слегка обалдев. – Пусть приходит завтра в околоток. Познакомлю его с Герой. Там посмотрим...

Глава 5

Как Белуга доказывал свою невиновность

Полностью рассвело. Уже лавочники начали греметь ставнями, открывая свои торговые павильоны. По улицам сновали прохожие, тархтели повозки. Сбросив ночные оковы, город ожил, наполняясь гомоном людских голосов, задышал в привычном ритме нарождающихся будней.

Не люблю толпу. В ней чувствуешь себя неуютно, сродни щепке, попавшей в бурный, неуправляемый поток. То-го и гляди, захватит водоворотом и утянет на илистое дно. Бррр. Уж лучше дома в такое время спать.

Ладно, это всё лирика. Нам пока не до сна. Убийство расследовать надо.

И куда опять запропастились мои бездельники? Все сознательные граждане, значит, работают в поте лица, а они? Уверен, что Тютя давно сдал задержанных бандитов тюремщику и теперь свободен, как птица в полёте. А беспутная Гера так и не удосужилась предстать пред мои ясны очи. Разгильдяи! Я что, сам должен расследование вести?

Пробую нащупать их с помощью жетона. А, вот вы где прохлаждаетесь, голубки. Мог бы сразу догадаться, ведь питейное заведение господина Шапы открыто круглые сутки.

Не скажете, почему я не удивлён?

Переступив порог Шаповой таверны, первым делом вижу Тютю, который громадной скалой торчит над столом. Как пить дать, его первые учителя в школе думали, что этот переросток сидит на спинке стула, желая казаться выше. Представляю их глаза, когда мальчик вставал из-за парты.

Рядом с ним Гера выглядит мелким воробышком. Ага, только воробышек что-то совсем уж заморенный. Короткие светлые волосы мальчишеской стрижки взлохмачены и торчат в разные стороны. Голова подпёрта худыми кулачками. Пустой, ничего не выражающий взгляд. Подойдя ближе, замечаю фингал под глазом. Дааа, славно девочка порезвилась. Хорошо хоть морс теперь пьёт, а не вино. Похоже, борется с похмельем. Хм, сочувствую.

В зале кроме этой сладкой парочки больше никого. Все нормальные люди либо разбрелись по домам, либо ждут, когда опять стемнеет, и в их светлые головы придёт идея посетить какое-нибудь злачное место. Эти же... Сардак их задери!

– Доброе утро, бездельники, – сажусь на свободный стул и скептически оглядываю помощников.

– Утро добрым не бывает, – вымучено бурчит Гера.

Так-так, насчёт бездельников не возмущается. И то вперёд.

Великан только плечом повёл, выказывая своё недовольство. Как же, он ведь трудился ночь напролёт. Не отдыхал.

А я и не спорю. Но не рано ли, сердечный, мы балдеем? Или убийца пойман, и нам делать уже нечего?

Забрав его кружку с морсом, выпиваю до дна и, смачно крикнув, с грохотом опускаю на стол. Гера болезненно морщится, предусмотрительно отодвигая подальше от меня свою посудину. Зря переживает. Не нужен мне её морс. Я ж не изверг какой, всё понимаю. Пускай девочка спокойно и дальше отпаивается. Солдат ребёнка не обидит, особенно если у дитятки жуткая головная боль и зверский сушняк. Кроме того, жажду я уже утолил – Тютина кружка в два раза больше, чем у Геры.

– Вы работать, вообще, собираетесь? Или подождём, пока преступники сами каяться придут?

– А что, могут? – сразу воспрял Тютя, одарив меня взглядом надежды.

– Конечно, друг мой! – киваю серьёзно. – А как иначе-то, если ты их сегодня же отловишь и приведёшь. Вот этим и займитесь. Хоть весь город на уши поставьте, но чтобы к обеду мы достоверно знали, кто и зачем пришел этого сардачного Червонца. Есть вопросы?

Гере совсем не до работы. Думаю, ей даже разговаривать больно. Ничего, трудотерапия вещь полезная, вмиг в норму приведёт. А у великана радостный блеск в глазах сменился тусклым разочарованием. Если и хочет о чём-то спросить, то слишком долго подбирает слова. Но я не намерен рассоливать, поэтому торопливо подвожу итог:

– Вопросов нет. Тогда по коням и вперед... Вы ещё здесь?

Они нехотя встают и плетутся к выходу. Возле двери Гера оборачивается.

– Порк, а сам-то ты чем заниматься будешь?

О, начинает включать мозги. Правильно, пусть заранее настраивается на рабочий лад. А то взяла моду, понимаете ли, расслабляться в самый неподходящий момент.

– Есть тут один тёмный, хорошо известный в узких кругах. Надо подёргать его за усы, – отвечаю намёками, неопределённо покручивая пальцем в воздухе. Не кричать же на всю таверну, что пойду разговаривать с Белугой.

Девочка всё прекрасно поняла. Не про Белугу, конечно, о котором не сказано ни слова, а про то, что большего из меня не вытянуть. Хмыкнула и вышла на улицу вслед за Тютей.

Возле стола появляется тучная фигура хозяина заведения. Кивок в мою сторону:

– Привет, Порк. – Заграбастав кружки, возит мокрой тряпкой по столешнице. – За ребят своих заплатишь или записать на их счёт?

– Привет, Шапа. Если только за морс...

– И яичницу. Они её на завтрак ели. Тарелки перед самым твоим приходом убрал.

– Ну, коли так, принеси-ка и мне яичницу с морсом, а то я сегодня ещё не завтракал. Итого, за три порции?

– Да, если не считать, что употребила за ночь Гера. – Ехидная улыбочка раздвигает пухлые щёки Шапы, чуть ли не ров-

няя их с плечами.

М-да, судя по всему, не слабо нынче повеселились в таверне, глядя на пьяную, ничего не соображающую Геру. Представляю этот спектакль. Особенно, если учесть свежий синяк под глазом.

– Надеюсь, ты догадался собрать плату за представление? – спрашиваю толстяка.

Тот опять ухмыляется. Наверняка хорошую выручку получил этой ночью. Только вот разнuzданную гульбу своей помощницы я оплачивать не собираюсь. Пусть выкладывает из собственного кармана.

Вряд ли в городе найдёшь человека, который бы не знал, где живет Баскан эль Уга. Его шикарный особняк стоит в элитном районе. Тёмные там такая же редкость, как светлая стража в трущобах. Край непуганых идиотов, честное слово. Закрывать ставни, забирать окна решёткой, обносить двор забором – всё это у них считается признаком дурного тона. Оградой усадеб служат, в основном, декоративные кустарники, подстриженные так, что едва до пояса дотягиваются. Белуга в этом плане пошёл дальше, поставив ажурную изгородь с хлипкими на вид воротцами. Впрочем, тоже несерьёзная преграда, больше для душевного успокоения, а то и просто из желания выделиться. Тёмный же. Плевать ему на общественное мнение.

Зато его дом охраняет сардакова туча народу: прикорм-

ленные светлые стражники с внешней стороны ограды и неизвестно сколько тёмных наёмников за ней.

– Что ты забыл здесь, тёмный? – «приветствует» меня у ворот щуплый субъект в голубом плаще, с шикарным белым плюмажем на шляпе и тонкой, изящной шпажкой на боку. Зато за его плечами два мордоворота. Глядят угрюмо, сверкая бляхами светлой стражи на гордо выпяченной груди. У этих шпаги куда солиднее и явно не только для красоты.

Молча засвечиваю свой жетон и пытаюсь пройти мимо. Не тут-то было.

– Ты не слышал мой вопрос? – напыщенный молокосос хватает меня за рукав.

Ох, и не любят же нас эти светлые. Думают, что тёмных совершенно незачем в стражу брать. Мы, мол, или сами преступники, или вообще никакие. Напрасно так со мной. Терпеть не могу хамов. От них у меня несварение.

«Радостно» улыбаясь, делаю шаг навстречу, вставая к щуплому впритык.

– Простите, сударь, – говорю елейным голосом. – К сожалению, вы не в моём вкусе. Давайте разойдёмся по-хорошему.

Светлый, выпучив глаза, беззвучно хлопает ртом. А попробуй, скажи что-нибудь, когда в твое мужское достоинство упирается остриё кинжала. Мордоворотам ничего не видно, поэтому пребывают в лёгком ступоре, дожидаясь команды

старшего. Кем ещё может быть этот пижон? Правда, показать свой значок он почему-то не удосужился. Что ж, сам виноват. Я в своём праве. Даю отпор наглецу. Откуда мне знать, кто он такой? Извините, жетона не видел.

Пока стражники не опомнились, а щуплый ломает голову над тем, как спасти подмоченную репутацию, быстро вхожу в приоткрытые ворота и топаю по аллее к дому.

Вход охраняют ещё двое. На этот раз тёмные. Не стража – простые наёмники. Жетон ещё светится, так что проверим, не мечтает ли кто сегодня попасть в тюрьму за «препятствование праведным действиям стражников», как сказано в Уложении «О правопорядке». Я зол, и никому не советую вставать у меня на пути.

Охранники молча уступают дорогу, проглотив невысказанное требование сдать оружие, а пожилой мажордом на нетерпеливо брошенное: «Веди к хозяину!» – безропотно бежит открывать многочисленные двери. Нет, вот вы скажите, моё настроение что, на лице написано? Вряд ли жетон так действует. Не те здесь люди, чтобы на подобные мелочи внимание обращать.

В просторный кабинет вхожу почти одновременно с мажордомом, который всю дорогу пыжился хоть ненамного меня опередить в жалкой попытке успеть доложить Уге о непрошеном госте. У старика такая работа, понимаю, но сейчас не до церемоний. Аккуратно выпихиваю тщедушного деда, не успевшего даже рта раскрыть, плотно прикры-

ваю за ним дверь и поворачиваюсь.

У дальней стены длиннющий стол. За ним в широком кресле с высокой спинкой восседает Баскан. Смуглое скуластое лицо, тёмные глаза, прямой нос, тонкие, бесцветные губы в обрамлении чёрных усов и клиновидной бородки. Длинные волосы распущены, свободно спадают на широкие плечи. Мышцы так и бугрятся под белоснежной рубахой из тонкого шёлка с дерзко распахнутым воротом. Руки расставлены, крепкие ладони упёрты в стол, будто удерживая его из опасения, что мебель поднимется в воздух и начнёт летать.

Пока шагаю через просторный кабинет, больше похожий на зал приёмов, рот Белуги расползается в ядовитой усмешке.

– Ооо, кто к нам пожаловал! Сам господин Порэус эль Камилье, тёмный стражник Его Величества. Гроза притонов, ночной кошмар преступного мира...

– Мечта проституток и королевского палача, – не моргнув глазом, дополняю список своих достоинств. – Хватит паясничать, Баскан. Мы оба люди занятые, поэтому давай сразу к делу.

Не дожидаясь приглашения, падаю в ближайшее кресло, удобно придвинутое к столу. Нога на ногу, руки на подлокотниках, шляпа на голове. Верх неприличия. А чего мне церемониться? Я же в курсе, что за птица этот Белуга, как и он прекрасно знает кто перед ним.

– К делу, так к делу, – соглашается, стирая усмешку с лица. – Что тебе надо?

– Суший пустяк. Ответы на некоторые вопросы. Остальное будет зависеть от твоей откровенности.

Хмыкает и опять лыбится криво.

– Спрашивайте, господин Камилье. Разве может законопослушный гражданин отказать королевскому стражнику?

Сколько неприкрытого сарказма в голосе. Вот ведь змеюка. Интересно, со своей роднёй он так же разговаривает?.. Да и сардак с ним, пусть язвит. Что взять с тёмного?

– Сегодня ночью убит один налётчик по прозвищу Червонец. Слышал об этом?

Вижу как у Баскана непроизвольно дёргается щека. Он резко уводит взгляд, однако быстро возвращает ко мне, уже спокойный, не выдающий никаких эмоций.

– Что мне за дело до какого-то там Червонца? – говорит неторопливо, чеканя каждое слово.

Юлим, значит, да? Уходим от прямого ответа? Что ж, спрошу в лоб:

– Разве ты не хотел его убить?

– С какой стати?

– За племянника... Слушай, Баскан, хорош проверять мою осведомлённость. Поверь, я много чего знаю. Поэтому либо ты сейчас рассказываешь обо всём, что меня интересует, либо продолжим нашу чудную беседу в роскошной камере с видом на виселицу. Тебя какой вариант устраивает?

Он откидывается на спинку кресла, смотрит на меня в упор. Изучает и думает одновременно. Ну-ну, подумай хорошенько. Заодно накидай в уме текст завещания, а то наследники передерутся за раздел имущества, нажитого непосильным трудом.

– Как я понимаю, – медленно начинает Уга, – ты обнаружил его труп?

– Правильно понимаешь. – Теперь ухмыляюсь я.

– Так вот, Порк, будь это делом моих рук, сардака с два ты бы что-нибудь нашёл.

– А что бы ты сделал? Сжёл бы его вместе с домом? Убийца именно так и поступил. Но не учёл, что соседи быстро потушат пожар. Светлые иной раз непредсказуемы, Баскан.

– Если бы я его и сжёл, то в какой-нибудь глухомани, забытой и богом, и сардаком. Или закопал бы там, где ни один зверь не сыщет. И ты бы не сыскал. Даже не сомневайся.

– Да? – изображаю удивление. – А как же наглядный пример для остальных: не лезьте, мол, к Угову семейству, а то здоровья лишитесь?

Белуга кривится, будто куснул сладкий с виду плод, на деле оказавшийся несусветной кислятиной.

– Это совсем ни к чему. Сам посуди, на кой сардак мне привлекать внимание?

Рассуждает логично, не подкопаешься. Жаль, если он здесь ни при чём. Очень жаль. Эх, а как хотелось, чтобы преступником был именно этот тёмный. Впрочем, Уга может

и наврать в три короба. Знаю его. Что ж, есть один способ это проверить.

Встаю, обхожу стол и останавливаюсь возле Баскана, который внимательно, в оба глаза следит за мной.

– Хорошо, будем считать, ты меня убедил. Давай напоследок пожмём друг другу руки и разойдёмся, как в море корабли.

Стягиваю перчатку, а Белуга весь в раздумьях. Так и бурлит взглядом. Есть что скрывать? Ещё бы. Он ведь не знает, о чём я спрошу. Но всё же встаёт и протягивает руку. Молодца. Теперь дело за мной.

– Это ты убил Червонца? – задаю прямой вопрос, обхватывая ладонь Уги.

– Нет, не я.

– Может, кто-то из твоих людей? Или нанятые на стороне?

– Нет. Ни я, ни те, кто на меня работает, никоим образом не причастны к этому делу.

Сказано достаточно. Мне остаётся приподнять шляпу и удалиться.

Все сомнения, что Баскан говорит неправду, развеялись, как дым. Враньё невозможно скрыть, держа меня за руку. Почувствую, будьте уверены. Ещё одна способность, подвигшая вашего покорного слугу заполучить себе на грудь жетон тёмного стражника. Конечно, Уга мог и промолчать в ответ, чем лишь укрепил бы мои подозрения. Оно ему надо, если человек действительно невиновен? А я заодно убедился

в другом: кровавый отпечаток ладони на ножке стула в доме Червонца не Уговский.

Сардак! Если убийца не Белуга и не его люди, тогда кто? Один вопрос отпал, но породил новые, и ответы на них ещё предстоит найти.

– Порк, чё за дела? – визжит Бурый, которого я только после обеда удосужился выдернуть из камеры. – Беспредел творишь! Людей сажаешь ни за хрен сардачий!..

Хорошо, что я плотно поел перед встречей. Сижу теперь за столом, развалясь, насколько позволяет шаткий стул, и в ус не дую. Внутри покой и умиротворение. Начхать мне на стенания какого-то арестанта.

Начальник тюрьмы в этот раз исполнил все мои указания с исключительной точностью, рассадив доставленную из притона четвёрку по разным камерам. Что делает с человеком написанное кровью письмо!

А я за неимением свежих идей решил поговорить с задержанными. Вдруг что интересное расскажут. Всё-таки в том районе ошивались. Первым потребовал привести в допросную Бурого, как старого знакомого. Вот и общаемся...

– ...буду жаловаться на тебя начальнику стражи! – услышал конец фразы ни на шутку разошедшегося бандита.

– Чего? – скептически кривлю рот. – Ещё королю пожалуйся. Он быстренько вычеркнет тебя из Помика, по которому ты от каторги откосил. Вот узнает что за птица выпорх-

нула на свободу по его недалёковидной милости. Среди тех караванов, что ты грабил, были, между прочим, и королевские. Или забыл уже?

О, какие большие глаза. Думал, не знаю? Прекрасно помню гнев Его Величества, когда он в ярости проткнул шпагой налётчика из Буровской банды, имевшего неосторожность попасться. Хорошо, что до этого я успел из него выудить нужные сведения.

– Касаемо наших насущных дел, – продолжаю лениво. – За одно пребывание в ночном притоне, да ещё с оружием, да ещё в компании таких же отморозков, запросто могу надолго упечь тебя за решётку. А если выяснится, что ты и к убийству Червонца причастен...

– Да сколько раз говорить, не мы его приголубили.

– А кто? Ну же, Бурый, колись. Ведь знаешь что-то. Тебе зачтётся. Обещаю, дашь стоящую наводку, гуляй на все четыре стороны.

Опустил голову, мнётся. Ничего, я не тороплюсь. Расскажет рано или поздно, никуда не денется. Свобода дороже пресловутого воровского братства. Это когда все вместе, друг у друга на виду, они в молчанку играют, а по отдельности соловьями заливаются. Кто раньше, кто позже. Своя шкура, она всегда милее и не в пример ближе к телу.

– Итак?.. – подталкиваю Бурого к верному решению.

– Чё торопишь? – глядит исподлобья. – Дай совесть успокоить.

Ржу в полный голос. Ой, насмешил. Совесть у него, видите ли. Да на том месте давно полное непотребство выросло. Придумает же.

– Ничё смешного, – возмущается Бурый. – С меня потом знаешь, как спросить могут?

– Кому спрашивать-то? – утираю выступившие слезы. – Разговор у нас на двоих. Лично я в себе уверен, тайны хранить умею, не беспокойся. Если от кого и узнают, только от тебя. Но ты же не дурак об этом болтать? По крайней мере, на него не похож.

– Точно отпустишь?

– Даю слово.

Бандит скептически морщится. Слово тёмного ему, что пустой звук. Сам такой же. Но подкрепить своё обещание чем-то более веским я не могу. Ничего такого у меня попросту нет. Да и было бы, не дал. Перетопчется.

– Аааа, сардак с ним, – наконец, решается Бурый, резко махнув рукой. – Но смотри, ты обещал.

Киваю, подтверждая, что на память не жалеюсь.

– Когда мы вчера вечером заглянули к Анжи, у неё сидели два типа. Я их не знаю. Попили с нами вина и ушлёпали куда-то, не попрощавшись.

– Кто такие, как звать?

– Да кто их разберёт. Оба тёмные, словно сардачий зад.

– Хочешь сказать, что вы сидели молча? Не знакомились, не общались? Или рот постоянно был выпивкой занят?

– Ну, не то чтобы...

Постепенно начинаю закипать. Достал уже этот полукровенный трёп.

– Сказал «а», говори и «б». Нечего мямлить. Выкладывай уже всё как есть.

– Фелик и Серый, – доносится тихо из-под низко склонённой головы.

– Что «Фелик и Серый»?

– Так они называли друг друга.

– И? О чём говорили?

– О Червонце.

Опа! Сардак меня задери. Так и хочется сказать: «Чего ж ты раньше-то молчал, милааай?» Да он и сейчас молчит. Вот бестолочь!

– Что именно говорили? – рычу злобно, теряя терпение. Ангельское, к слову.

– Ругались. Мол, обнаглел этот тёмный, ни с кем делиться не хочет, все хапки себе загребает. Не признаёт воровских законов. А их отправили... Это... Проучить его, в общем, пришли.

– Пришли откуда?

Отворачивается, глядит в сторону. Не хочет говорить подлец. А придётся.

– Бурый, если сейчас не выложишь всё без утайки, наше с тобой соглашение будет аннулировано. Понял? Чьи это люди? Кто их прислал?!

Вскакиваю с места и, с треском вонзив кулаки в столешницу, нависаю над скрюченным арестантом. По допросной проносится вихрь, вздувая плащ за моей спиной. Резко темнеет, растекается запах душной предгрозовой сырости. Вот-вот ударит молния. Догадываюсь даже в кого. Люблю подобные эффекты. Они всегда срабатывают.

Бедолага Бурый, побелевший словно мел, долго не может прийти в себя. Что, впечатлён? Знаю, зрелище не из приятных – огромная непроглядная тень Зверя, и два глаза, в которых плещет гипнотический ярко-голубой огонь. Моя тёмная ипостась, готовая впиться в жертву.

А жертва беззвучно шевелит непослушными губами да икает, не переставая. Надо же, а ещё темный...

Глава 6

Случайностей в нашем деле не бывает

Камни под ногами смазываются, текут, не давая различить отдельные булыжники, намертво закатанные в мостовую. Только носки сапог мелькают, сменяя друг друга, шаг за шагом стремительно покрывая всё новые сажени.

Не сразу замечаю, что встречные шарахаются от меня в разные стороны. Похоже, тёмное утро свернулось не полностью. Кое-что ещё выглядывает наружу. Надеюсь, это не рога. Сколько, интересно, я прошагал в таком виде? Сардак! Где мой хвалёный самоконтроль?

Вот ведь докатился. Чуть арестованного со свету не сжил. Срочно пришлось приводить его в чувство. Правда, на это хватило двух вёдер воды. Но когда Бурый очухался, ещё долго не мог произнести ни слова. Благо, успел всё важное до отключки выложить. Хотя, поделом ему. Впредь не будет водить меня за нос.

Но и я хорош, не сдержался. В наши времена только за одну попытку напасть на человека с использованием тёмной ипостаси можно угодить на виселицу. И не важно, хотел ты отнять его никчёмную жизнь или кошелёк – а в моём случае информацию – какая, в сущности, разница. То-то Бурый

опешил, увидев меня во всеоружии, полностью перевоплощённым. Даже он, законченный подлец, не позволял себе подобного, и не стал призывать свой второй облик, чтобы защититься. Хотелось бы знать почему. Боялся не успеть? Интересно, а какая у него ипостась?..

ТЬфу ты! О чём я вообще думаю? Ещё повезло, что свидетелей не было. Увидел бы кто, пиши пропало. Там бы сразу и остался, в соседней камере. Ненадолго. Ровно настолько, чтобы успели новую виселицу соорудить. А за это время и приговор бы подоспел. М-да, нужно держать себя в руках, а то неровен час...

Нет, но каков прощельга этот Бурый. Довёл меня до белого каления. Сразу-то нельзя было всё рассказать?

Ладно, он бандит с большой дороги, ушибленный на всю голову, с него взятки гладки. Но Анжи... Хитрая стервочка. Ей-то какой резон врать?

Что же ты, милая, играешь со мной в азартные игры? Ведь специально по ложному следу пустила. А я клюнул как распоследний идиот. Проглотил наживку и умчался довольнёхонький, только пятки засверкали.

ТЬфу, сарррдак! Самому противно.

Надо будет пообщаться с ней на досуге. Задать парочку неудобных вопросов. Но это потом, а пока – Фелик и Серый.

Неизвестно, где их искать, но по словам Бурого работают они на некоего Кулака, который держит в том районе общак. Своеобразные сборщики воровских податей. И клиен-

тура у них специфическая – жулики самых разных мастей, добывающие деньги, что называется, преступным путём. Бурый не просто так пришёл вчера со своими ребятами к Анжи. Должен был встретиться со сборщиками, чтобы внести свой личный вклад в общую казну и получить карт-бланш на «работу» в этом городе. Потому и молчал, гнида.

Вот с Кулака и начнём. Уж этого-то каждая собака знать должна, не говоря уже о тёмных, раз постоянно отстёгивают ему часть награбленного.

Сбавляю скорость, дышу ровно, укрощая свою тёмную суть. По лестнице, ведущей в сторожевой околоток, поднимаюсь уже спокойно, вполне умиротворённый и в приличествующем виде.

Караулка пустует. Оно и понятно, патрульные соберутся лишь вечером, чтобы в ночь выйти на улицы города. Днём, как и положено, отсыпаются по домам. Только мы, трое ненормальных, пашем как проклятые и в светлое, и в тёмное время.

Э, да тут вообще никого. Я говорил «трое»? Хм. А остальные-то где? Куда, спрашивается, подевались мои доблестные помощники?

Ну да, признаюсь, отправил Тютю с Герой на поиски неизвестно чего, но это же не повод пропадать надолго. Скоро стемнеет, а эти бездельники ещё не вернулись. Снова искать их по жетонам? Увольте, набегался вдоволь. Все ноги сбил. Посижу лучше в своём закутке, в любимом кресле. Оно у ме-

ня большое, удобное, мягкое. Заодно и отдохну. Кто бы ещё пожрать принёс, а то перевоплощение столько сил отнимает...

Слышу, как хлопает входная дверь, и торопливые шаги нескольких человек. Без труда различаю тяжёлую поступь безразмерных сапог Тютти, барабанную дробь каблучков Геры и шарканье подошв третьего, который мне пока не знаком. Любопытно, это кого они сюда волокут?

Мысленно тянусь в коридор, чтобы прощупать незнакомца.

Так-так-так. Тёмный и, похоже, ярый сторонник разгульной жизни. Слегка пьян, без оружия, без денег. Совести тоже, скорее всего, нет. Даже одежда с чужого плеча. Воришка?

Троица вваливается в караулку и, заметив меня, замирает на пороге. А я, весь такой правильный, сижу за столом и делаю вид, что поглощён изучением важного документа. Что? Держу листок перевернутым? Подумаешь. Не вертеть же теперь у всех на виду. Себя выдам.

Медленно поднимаю голову. Хмурюсь, изображая недовольство тем, что меня оторвали от работы. Оглядываю вошедших. Первой стоит Гера. Бойкая, посвежевшая, с румянцем на щеках. Не то, что утром. Говорил же, активный труд ей только на пользу. Уперев руки в бока, глядит насмешливо, едва заметно улыбаясь. Кажется, она единственная увидела, что буквы на «важном документе» расположены неправильно.

За помощницей высится довольный Тютя. Сияет, будто новая денюга, только-только покинувшая королевский монетный двор. Не иначе поймал с поличным обладателя звания «преступник года»? И обладателем этим, судя по всему, является тот плюгавый мужичок, чью шею великан обхватил своей лапищей на манер невольничьей колодки. Хотя нет, больше на тиски похоже. Сдавит ещё чуть-чуть, и башка отвалится. Опасаясь её потерять, бедный мужик и не помышляет о сопротивлении. Стоит вытянутый в струнку, ни жив, ни мёртв. Бледный, как поганка, и дышит через раз.

– Ну? – добавляю в голос изрядную долю строгости. – И где вас носило всё это время?

– Работали в отличие от некоторых, – ехидничает Гера.

Какое бы наказание ей придумать, чтобы научилась вежливо изъясняться с начальством?

– Что наработали? – спрашиваю обычным тоном, уже без напускной чванливости, разваливаясь в кресле.

Помощница подходит к столу. Бесцеремонно водрузив на него свою миниатюрную попку, опирается руками о край столешницы и сидит, болтая ножками.

– Вот, – кивает на невзрачного человечка в Тютином кулаке. – Это Слот, местный попрошайка. Шарахался по тавернам в поисках дармовой выпивки. Давно всем надоел. Вечно пьяный и с пустыми карманами.

– Я вас куда посылал? Искать убийц, а не таверны от пьяниц избавлять.

– А куда, по-твоему, вся информация стекает, а?

Хм, я говорил, что эта девочка умна до безобразия? Могу повторить ещё не раз и не два, если меня так вот будут ставить на место.

Нет чтобы внимательнее на Слота глянуть, дёрнул меня сардак съязвить:

– Вижу, эта информация вам здорово помогла. Уже безобидных бродяг начали хватать. Что интересного расскажет никогда не просыхающий горький пьяница?

– У него весь плащ в крови, – ровным голосом говорит Гера, внимательно изучая свои ногти.

Меня будто ледяной водой окатили. Вот сардак! И куда мои глаза смотрят?

Нетерпеливо машу рукой, чтобы Тютя подвёл мужика. Действительно, на плаще большие бурые пятна. Уже засохшие, но это не беда. Выплёскиваю на них остатки воды из стакана. Растираю. Когда палец покрывается красной влагой, сую его в рот.

Есть! Никаких сомнений, что это кровь Червонца.

Присаживаюсь на стол рядом с Герой, скрестив руки на груди. Глазами показываю Тютю, что пора бы и разжать кулак. Тот ворчит, но команду выполняет. У выпущенного вдруг на волю бродяги подкашиваются ноги. Он стекает вниз. Так и свалился бы, но бдительный конвоир успевает подвинуть стул, на который с тяжким вздохом плюхается безвольное тело Слота.

– Поведай-ка нам, любезный, – начинаю приторно-сладким голосом, – откуда на твоей одежде кровь?

Готовлюсь выслушать очередную сказку о том, как кто-то поранился или голову разбил, или перепачкался в крови, разделявая курицу...

– Не мой это плащ, – хрипит бродяга, обдавая нас вонючим перегаром.

Да ладно. Такие истории мы тоже хорошо знаем. Бывало, поймаешь бандита с награбленным, а он дурака включает: «Я – не я, поклажа не моя!» Скажет сейчас, что подобрал одежду где-нибудь на улице. Ну-ну, флаг в руки. А мы так сразу и поверим. Хе-хе.

– Ну и чей же тогда?

– Этого... Как его... Фелика, вот!

Фелик и Серый! Не ожидал, что ниточку к ним нащупаю так быстро.

Стараюсь выглядеть спокойным. Пока всё срастается. А горемыка Слот, похоже, только что из разряда преступников плавно перешёл в свидетели, сам того не ведая. Это, в общем, тоже неплохо. Добрый свидетель иной раз лучше прочих улик. Хорошо, едем дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.